

§ 10 РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

Е.М. Дринова

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ТОПОСОВ ПОЛИТИЗАЦИИ РЕЛИГИИ

Аннотация: В статье анализируется роль и влияние модернизации и глобализации на процессы политико-религиозного взаимодействия в обществе. Исследуются формы этого взаимодействия. Делается вывод о том, что глобализация/локализация способствовала формированию топосов политизации религии. Выявляются существующие различия в политико-религиозной сфере западного и восточного обществ, анализируется деятельность политических религиозных партий.

Ключевые слова: Политология, политизация религии, модернизация, глобализация/локализация, конфессиональные деструкции, миграционные процессы, контрмиграция, детерриторизация религии, национально-христианский топос, топос мультикультурализма

Процессы модернизации и глобализации в настоящее время, прямо или косвенно, оказали и продолжают оказывать серьезное модифицирующее влияние на социокультурную жизнь общества. Особенно полно данный процесс проявил себя в последнее время в религиозной сфере. Модернизация и последующая глобализация способствовали возникновению новых форм политико-религиозного взаимодействия в обществе. Их результатом стало также формирование альтернативных картин мира, новых культурных и мировоззренческих традиций, что обозначило иные контуры взаимодействия политической и религиозной реальности.

Как правило, в теории политической мысли модернизацию связывают с социально-экономическим и политическим развитием государства. Так, по мнению Дж. Нельсона и С. Хантингтона, модернизация возможна только после усвоения западных культурных, политических ценностей и образа жизни. Без роста материального благосостояния граждан развивающихся стран нецелесообразно говорить о формировании демократического общества¹. Модернизация

включает в себя движения за национальную независимость, развитие институтов демократии, процессы индустриализации и урбанизации. В таком понимании модернизация обозначает достижение современности. Свою специфику модернизация имеет в религиозной сфере. Начнем с того, что модернизация оказала влияние на систему государственно-религиозных отношений в мире, существенно изменив характер их взаимодействия, увеличив в современном технологически ориентированном мире, собственные возможности религии.

Вместе с тем, очевидные исторические факты привели к тому, что с оттенком исторической горечи отражено во мнении Ш. Эйзенштадта. В мире уже произошло осознание того факта, что разрушение старого не обязательно способствует возникновению нового. Часто разрыв традиционных связей и утрата религиозных ценностей ведут к дезориентации и хаосу, а не к укоренению новой системы демократических ценностей.

С другой стороны, в результате модернизации в XX веке религия как социальный институт пережила ряд трансформаций: в одних странах религия активно участвовала в политической жизни и способствовала ее модернизации, в других она становилась тормозом для развития.

¹ Huntington S., Nelson D. No easy choice: Political Participation in Developing Socie. N. Y., 1976. P.132.

В странах Западной Европы социальная модернизация усилила секуляризацию общественной жизни, что, например, сопровождалось падением уровня религиозности (Франция), отделением церкви от государства (Швеция). В отличие от этих стран, где процессы секуляризации носили естественный характер, Россия пережила так называемую насильственную секуляризацию в 1917 году. Это и стало причиной того, что модернизация в культурной и религиозной сфере в современной России привела к иным последствиям чем на Западе.

В России в конце XX – начале XXI вв. началось формирование новой государственности. Этот процесс был осложнен политическими, экономическими и социальными проблемами. Формирование в стране институтов демократии, гражданского общества и поиск новой государственной идеологии привело к возрождению традиционных для России религиозных верований, а также проникновению в страну нетрадиционных для нее религий и сект. Переход от тоталитаризма к демократии в стране сопровождался всплеском национализма различной степени глубины. Соединение идей позитивного или экстремистского национализма с идеями религиозного возрождения в стране способствовали политизации религии и формированию политических религиозных партий и организаций.

В 90-годы XX века на политической арене России активно действовали религиозные партии и организации, такие как Исламская партия возрождения, Нур, Союз мусульман России, исламское движение «Рефах», «Исламский джамаат», «Православное единство». Сближение националистов с религиозными ортодоксально настроенными деятелями церкви способствовало радикализации религии. В этих условиях сильная президентская власть выступила тем стабилизирующим фактором, который сохранил страну от этноконфессионального раскола. Когда деятельность политических религиозных партий стала угрожать безопасности России, тогда они были запрещены законом. Аналогичные процессы проходили на постсоветском пространстве республик Центральной Азии. Так, в Узбекистане и Туркменистане было запрещено создавать политические партии, действующие на религиозной основе. Напротив, в Таджикистане существует Партия исламского возрождения, которая активно сотрудничает с властями республики.

Процессы модернизации, происходящие в обществе, внесли также коррективы и в закрытую модель исламского мира. Современное состояние взглядов на

эту проблему можно описать в виде двух принципиально противоположных направлений. Первое направление связано с адаптацией религиозных исламских ценностей к системе либерально-демократических ценностей. Второе направление ориентировано против процессов модернизации, глобализации и демократизации, ибо они рассматриваются как источник опасности для восточного мира. Объединяющим эти направления на Востоке стало резкое неприятие «американской системы», независимо от того, является ли она системой либерально-демократических ценностей политики или культурных ценностей.

Провал идей демократии на Ближнем Востоке стал причиной подъема исламского фундаментализма. Известно, что когда политические партии не способны дать ощущения справедливости, тогда возникающий вакуум нередко заполняют другие организации, в том числе и религиозные. Американский политолог Ф. Закария в своей книге «Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами» убедительно доказывает, что в «исламских странах в религии есть уже готовый источник легитимности»².

Суть проблемы заключается в том, что на Западе демократия и конституционный либерализм отличаются и не всегда идут вместе. Однако в конце XX века демократия и свобода в странах Западной Европы образовали своеобразный политический тандем. На Востоке ситуация в принципе иная. Когда идеи демократии и либерализма пытаются привить на Востоке, то возникает качественно иная политическая модель. В одних странах появляются и формально существуют институты демократии (Пакистан, Сирия), но при этом конституционный либерализм не имеет права на существование в силу религиозного фактора.

Следует отметить, что в результате западной «прививки» демократии часть исламского мира встала на путь демократических преобразований, и как следствие, религия отчасти потеряла свой политический потенциал, а ее роль в политической жизни общества была ограничена. Так, в Турции отцом модернизации по праву считают Кемаля Ататюрка. Он провозгласил Турцию светским государством, в котором религия была отделена от государства, религиозным деятелям было запрещено принимать участие в политике.

Своеобразным политическим механизмом в Турции, регулирующим систему политико-религиозно-

² Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004. С. 151.

го взаимодействия, стала идеология кемализма. Так, гарантом неизменности государственного курса длительное время выступала армия. Если в ходе демократических выборов к власти приходили фундаменталисты, то армия их отстраняла, и на переходный период в стране формировалось военное правительство. Иными словами, в Турции народ мог выбирать всех, за исключением религиозных деятелей, противников секуляризованного общества.

В современной Турции существующая партийная система отличается нестабильностью и парадоксальностью. На политической арене Турции активно действуют религиозные и светские партии. Характерной чертой религиозных партий становится то, что они, как правило, связаны с крупным бизнесом и структурами гражданского общества. Сегодня правящей партией в Турции является исламская партия – «Партия справедливости и развития». На парламентских выборах в 2011 году она набрала 53 % голосов. Партия сформировала парламент, а ее кандидат А. Гюль стал президентом.

Партия справедливости и развития много сделала для превращения Турции в европейское государство. Лидеры партии, опираясь на систему исламских ценностей, проводят либеральную проевропейскую политику. Начиная с 2002 года, в Турции идут смелые экономические реформы, направленные на устойчивое экономическое и социокультурное развитие страны. Сегодня Турция является 16-ой крупнейшей экономической державой. В своем выступлении в мае 2012 года президент Турции А. Гюль отметил, что за последние годы в стране были расширены масштабы индивидуальных прав, «мы упростили гражданско-военные отношения, обеспечили социальные и культурные права, участвовали в решении проблем этнических и религиозных меньшинств. Все эти реформы превратили Турцию в яркую демократическую страну и стабильное общество».³

Ключевая особенность религии в современном политическом процессе Турции проявляется в том, что наблюдается активное противостояние правящей исламской Партии справедливости и развития и светской оппозиционной Народно-республиканской партии. Длительное время военные и лиде-

ры Народно-республиканской партии боролись за отстранение от власти действующего исламского премьер-министра Р. Эрдогана, основателя Партии справедливости и развития, пытались через судебное решение запретить деятельность правящей религиозной партии в 2008 году, но эти попытки не увенчались успехом. В 2012 году вновь лидеры оппозиционной Республиканской народной партии боролись за отстранение от власти исламского премьер-министра, обвиняя его предательстве и лоббировании интересов других стран.

Следует отметить, что в Турции активно действуют светские партии. Как правило, секуляристские партии являются государственным, антилиберальными, милитаристскими и националистическими. По мнению Т. А. Алексеевой, их нельзя назвать западными и либеральными⁴. Следует отметить, что активная деятельность правящей Партии справедливости и развития способствовала смещению позиций военных.

Важным для внутривнутриполитического процесса страны является то, что парламент Турции принял поправку, согласно которой президент Турции А. Гюль выдвинул свою кандидатуру на второй срок, а Конституционный суд постановил, что действующий президент останется на посту до 2014 года.

В современной Турции, заложенная Кемалем традиция, основанная на идее «народности» и заключающаяся в борьбе за республиканскую форму правления со старыми исламскими политическими формами (султанатом и халифатом) претерпевает изменения. Значимую роль в этом процессе играют лидеры исламской партии премьер-министр Р. Эрдоган и действующий президент Турции А. Гюль. Президент Турции ведет курс на полное отстранение военного истеблишмента страны от внутривнутриполитического процесса.⁵ В начале XXI века Турция продолжает оставаться «расколотым государством»: с одной стороны, для нее характерна светская модель государственного устройства, но с другой стороны, страна не избежала частичного отхода к традиционным исламским ценностям. Каким будет результат, покажет время.

⁴ Алексеева Т.А., Казанцев А. А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ. М., 2012. С.106.

⁵ Агаджанян М. Турецкий «тандем»: проверка на прочность к рубежу президентских выборов 2014 г. /М. Агаджанян. – Режим доступа: <http://www.ru.journal-neo.com/node/118733>. – Загл. с экрана. – Яз.рус.

³ Гюль А. Турция стремится действовать как «виртуозная держава» 08:20 31.05.2012 / Режим доступа: www.centrasia.ru/newsA.php?st=1338438000, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз.рус.

Установка на радикальную модернизацию на Востоке привела к фундаментальным изменениям в традиционных обществах. Так, например, в Индии результатом национально-освободительной борьбы в 50-е годы прошлого века стало разделение страны по религиозному принципу. Мусульманская лига во главе со своим лидером Джиной вела активную деятельность за образование индуистского и мусульманского доминионов. Было образовано два государства: Индия, где преобладающей религией осталась индуизм, и исламское государство Пакистан. Ведущую роль в этом процессе сыграла Мусульманская лига.

До 60-х годов XX века Мусульманская лига была правящей партией Пакистана. В ее официальных документах декларировалось, что долг государства должен состоять в том, чтобы укреплять узы единства и братства среди всех мусульман мира, «...препятствовать росту среди граждан-мусульман тенденций к различию по расовым, лингвистическим, территориальным или другим материалистическим признакам, появляющимся в результате неисламских предрассудков»⁶. Разработка законодательства на основе западной системы либерально-демократических ценностей способствовала тому, что в Пакистане произошло совмещение исламского и гражданского законодательства. Таким образом, процессы модернизации способствовали закреплению в политической системе Пакистана идей демократии. Граждане получили право на свободу выбора вероисповедания и отправления обрядов, образа жизни, культуры и религиозного образования.

Как показала история, симбиоз светского и религиозного законодательства оказался нежизнеспособным, в результате в пакистанском законодательстве появилась ниша для «истинно исламских» положений. Приход к власти фундаменталистов привел к тому, что в новой конституции традиционные исламские принципы заняли место демократических принципов. Законодательство страны стало основываться на Коране и Сунне, запрещалась пропаганда и распространение взглядов и идеологий, имеющих целью подрыв основных положений и устоев исламского государства, главой государства мог избираться мужчина-мусульманин.

⁶ Пешов О. В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане // Ислам и политика: взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии / отв. ред. В. Я. Белокреницкий. – М., 2001. С. 55.

В современном Пакистане в 2002 году на политической арене появилась Пакистанская мусульманская лига, основанная президентом П. Мушаррафом. В манифесте Пакистанской мусульманской лиги акцент делался на необходимость стабильного демократического процесса в стране, что связывалось с деятельностью демократических институтов во всех сферах национальной жизни. После того как П. Мушарраф вынужден был подать в отставку, президентом Пакистана стал А. Зардари. Действующий президент Пакистана А. Зардари является членом Пакистанской народной партии. Эта партия была основана Зульфикаром Бхутто. Ее политическую платформу составляют система традиционных исламских ценностей и ориентация на демократическую форму правления. Б. Бхутто стала первой женщиной премьер-министром в Пакистане. После ее убийства сын А. Зардари и Б. Бхутто возглавил руководство Пакистанской народной партии.

Сегодня в Пакистане на политической арене активно действуют Пакистанская мусульманская лига и Пакистанская народная партия. Следует отметить, что становление нелиберальной демократии в Пакистане обусловлено отчасти такими же проблемами, как и в Турции. Неспособность Пакистана развивать стабильную демократию связана в первую очередь с активным вмешательством во внутривластный процесс страны военных.

Мы столь подробно остановились на специфике модернизационных процессов в Турции и Пакистане, чтобы еще раз подтвердить нашу мысль о том, что влияние модернизации на религию во многом зависит от конкретной политической ситуации в стране, обусловленной и религиозной составляющей, что вызывает тот или иной характер трансформационных преобразований в политико-религиозной сфере.

Продолжением модернизации стала глобализация как одна из основных тенденций мирового исторического развития. В современном мире глобализация проявляется в растущей взаимозависимости государств: ее характерными чертами выступают процессы демократизации и либерализации, формирования единого экономического пространства, единой универсальной культуры и политической идеологии. Несомненно, глобализация в каком-то аспекте есть универсализация и стандартизация в области культуры, которая не исключает того, что культура в качественно новом ее состоянии может сохранять в скрытой форме свои индивидуальные этнические и конфессиональные элементы.

В русле глобализации идея «культурного развития на Востоке» стала пониматься как возможность идентификации и реконструирования своей самобытной культуры, которая была предана забвению в результате давления со стороны западной культуры. По мнению И. Кучуради, процессы глобализации привели к поиску «культурной идентичности», которая имела место у этих народов «... до того, как начался процесс индустриализации, или до их встречи с “западной культурой”, от которой они отталкивались»⁷.

Глобализация в сфере культуры предполагает распространение американской системы демократических и религиозных ценностей. Известный американский политолог У. Р. Мид в книге «Власть, террор, мир и война» анализирует новый американский порядок, который должен стать основой нового мироустройства, обращается к идеям Дж. Ная «о множестве сил, с которыми Соединенным Штатам придется иметь дело, если они займутся строительством своего мирового порядка».⁸ По мнению Дж. Ная, жесткая сила – это военная и экономическая сила. Жесткая сила эффективна и действенно. Странам третьего мира сложно противостоять военной силе США. «Экономическая сила – это сила липкая; она соблазняет и убеждает одновременно»⁹. С ее помощью можно заставить иные государства вести себя так, как это необходимо Соединенным Штатам. Согласно Дж. Наю, основу «мягкой силы» составляет американская система ценностей.

Что же касается религиозных ценностей, то они своим основанием уходят в недра протестантизма. Американская система сумела выразить себя в идеологии многих религий и конфессий: католицизма, православия, иудаизма, буддизма. Формирование и распространение в мире идей демократии как глобальной политической культуры подчиняется действию экономического принципа, согласно которому многомерность процессов глобализации должна рассматриваться сквозь призму американской модели глобализма. Эти политические процессы вызывают частичное размывание религиозной культуры, порождают переоценку ценностных систем.

Следует отметить, что процесс добровольно-вынужденной адаптации народов к ценностям, стилю жизни господствующей политической культуры со-

провождается в большинстве случаев поглощением одной культуры другой, а не синтезированием нового качества культуры. После смены нескольких поколений в агрессивной активной ассимиляционной среде субъекты религиозной культуры меньшинства становятся культурно неотличимыми от представителей доминирующей культуры. Исключением из этого правила остается ислам.

Как отмечает известный политолог Куглер, «благодаря глобализации или вопреки ей, но в начале XXI в. мир представляется довольно опасным местом, полным таких угроз и рисков новой эпохи, как глобальные террористические сети, дикие этнические войны, несостоятельные государства»¹⁰. Очевидно, что глобализация способствовала неустойчивому состоянию современного религиозного пространства, а новые угрозы, обусловленные религиозными процессами, подорвали концепции национальной безопасности многих развитых стран мира.

Глобализация, и как одно из ее следствий усиление религиозной и этнической напряженности, обозначили несколько векторов неустойчивого состояния религиозного пространства как в мире в целом, так и в России в частности. Первый вектор неустойчивого состояния религиозного пространства – конфессиональные деструкции. В начале XXI в. крайней формой протеста со стороны радикальных адептов ислама стала международная террористическая деятельность. Террористические акции в США, когда 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке были протаранены самолетами и взорваны мусульманами-смертниками башни близнецы, положили начало международной террористической деятельности. В дальнейшем террористические политические религиозные акты имели место в большинстве стран Западной Европы и России.

В 2011 году очередная волна конфессиональных деструкций вылилась в арабские революции. Сегодня понятие арабские революции употребляется по отношению к таким странам, как Египет, Ливия, Сирия. Следует отметить, что это понятие не совсем применимо для волны протестных массовых выступлений, которые охватили современный арабский мир. Так, например, если революцию понимать в марксистском аспекте как смену общественно-экономической формации, то это понятие

⁷ Кучуради И. Философия перед лицом мировых проблем // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 6.

⁸ Мид У.Р. Власть, террор, мир и война. М., 2006. С. 24.

⁹ Там же. С.25.

¹⁰ Куглер Р. Национальная безопасность в условиях глобализации хаотического мира: действия США и Европы // Геополитика: антология. М., 2006. С. 639–

можно применить к исламской революции в Иране. Но с легкой руки политологов, кризисные явления в арабском мире, принявшие протестные и военные формы, обусловленные проблемами социально-экономического характера, внутривосточной ситуацией в стране, недовольством правящим режимом, стали называть арабскими революциями¹¹.

Как правило, мощные выступления в арабских странах против стабильных режимов на Ближнем Востоке обусловлены одинаковыми социально-политическими факторами, но в каждой стране они имеют свою, в том числе и конфессиональную специфику. В Бахрейне это было межконфессиональное противостояние, протест шиитского большинства против монополизации власти суннитским меньшинством¹². Так, в феврале 2011 года в результате протестных выступлений в Бахрейне погибли сотни протестующих против существующего режима правящей династии Аль-Халифа, и около 600 противников режима пропали без вести.

В октябре 2011 года в Ливии начались выступления манифестантов и повстанцев, недовольных правящим режимом. М. Каддафи использовал армию для истребления повстанцев и мирного населения. Лига арабских государств единодушно одобрила предложение о вмешательстве в войну, разрешив Совету Безопасности ООН установить в Ливии «зону, запретную для полетов». США, Франция и Британия провели массированные бомбардировки по военным объектам и войскам М. Каддафи, была проведена операция по уничтожению самого ливийского лидера.

Протестные выступления в Сирии и призывы к свержению правящего режима Б. Асада начались в январе 2011 года. Выступления были вызваны недовольством суннитского большинства 40-летним господством шиитского меньшинства. Президент Сирии Б. Асад выступил с предложением продолжать демократические реформы, ввести многопартийную систему, начать диалог с оппозицией, но эти попытки не увенчались успехом. Сегодня вооруженные действия в Сирии продолжаются. Волна арабских революций захватила и Египет. В результате после 30-летнего правления президент страны Хосни Мубарак подал в отставку.

Арабские революции привели к смене политических режимов в Ливии и Сирии. Однако парадокс ситуации заключается в том, что нелиберальные демократические режимы были свергнуты, но к власти в этих государствах пришли фундаменталисты – мусульмане.

Новая волна конфессиональных деструкций охватила арабский Восток в сентябре 2012 года после показа в интернете фильма американского режиссера «Невинность мусульман». В Ливии реакцией на фильм стало убийство американского посла Кристофера Стивена¹³. Массовые акции протеста, сопровождающиеся погромами, прошли в Сирии, Пакистане, Ливии, Судане.

Сегодня стало уместным говорить о том, что политизация религии сопровождается конфессиональными деструкциями, которые permanently вводят религиозное пространство в состояние коллапса, выход из которого сопровождается его радикальной трансформацией. В современном мире политические формы конфессиональных деструкций обусловлены глобализацией и в большинстве случаев синдромом фундаментализма. Конфессиональные деструкции как политическое явление, несомненно, представляет угрозу для безопасности как в региональном, так и в глобальном, мировом плане в мире.

Второй вектор неустойчивого состояния религиозного пространства – миграционные процессы. В 60-е годы XX века, когда страны Западной Европы открыли свои границы для мигрантов как источника дешевой рабочей силы, никто не мог и предположить, что реакцией на эти процессы в конце XX века станет рост этнической напряженности и всплеск национализма, формирование ультрарадикальных националистических организаций. Приток мигрантов, которые не желали адаптироваться к новым условиям проживания в принявшей их стране, вызывает неоднозначную реакцию со стороны коренного населения, как граждан Западной Европы, так и России. Сегодня приходится констатировать, что в современном мире миграционные процессы становятся фактором нарастающей этноконфессиональной напряженности.

¹¹ Мирский Г. Арабский мир: надоело, не верим, не боимся. // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2011. № 1. С.99.

¹² Там же. С.102-103.

¹³ The U.S. envoy to Libya, Christopher Stevens, and three other diplomats were killed when suspected Libyan religious extremists stormed the U.S. consulate in Benghazi <http://online.wsj.com/article/SB10000872396390444017504577645681057498266.html?KEYWORDS=Terry+Jonesh>

Превращение мусульманской диаспоры на Западе во влиятельную общественно-политическую силу, несомненно, оказывает влияние на систему государственно-политических институтов в странах Западной Европы. На Западе вызывает беспокойство не только рост иммигрантов – мусульман, но и фактор высокой рождаемости приверженцев данной религии. В Бельгии рождаемость в марокканской общине в два с половиной раза выше, чем среди коренных бельгийцев, а в Великобритании очень высокая рождаемость среди пакистанцев и бангладешцев. Страны Западной Европы стремятся ограничить миграцию и прибегают к суровым мерам. Так, например, в Дании запрещается гражданам привозить в страну супругов моложе 24 лет, если они не являются членами Евросоюза¹⁴.

На негативное отношение к мусульманам в Западной Европе оказывает влияние и процесс политизации и радикализации религии, имеющий место в исламском мире. В последнее время особое внимание специалистов по исламскому миру привлекают процессы контрмиграции и исламофобии.

Третий вектор – исламофобия и контрмиграция. Процесс радикализации религии оказал влияние на отношение западноевропейцев к мусульманам. Своеобразной реакцией на распространение ислама в традиционно христианской Западной Европе стал рост исламофобии со стороны определенной части ее коренного населения. Чувство страха перед тотальным распространением ислама на традиционно христианских территориях способствовало распространению исламофобии в странах Западной Европы. Исламофобия стала сопровождаться так называемыми процессами контрмиграции, которые имеют религиозную составляющую. Понятие «контрмиграция» обозначает полный запрет на миграцию мусульман или ужесточение требований к мигрантам – мусульманам при получении ими гражданства.

Следует отметить, что в последнее десятилетие националистические партии в странах Западной Европы все активнее используют в политической борьбе с демократическими правительствами религиозный фактор. Лидеры европейских националистических партий требуют ввести запрет на миграционные процессы, обусловленные религиозной (исламской) составляющей. В Нидерландах реакцией на миграцион-

ные процессы стала активизация идей национализма. Так в 2006 году была образована радикальная националистическая партия – Партия свободы. Ее основателем стал Г. Вилдерс. Партия свободы в Нидерландах ставит одной из своих приоритетных задач – запрет на миграцию мусульман. В 2006 году партия получила на парламентских выборах в Нидерландах 5,9% голосов. На выборах в Европейский парламент в 2009 году партия получила 17% голосов. Г. Вилдерс выступает за полный запрет на миграцию мусульман. По его мнению, ислам является не религией, а «идеологией отсталой культуры». Против Г. Вилдерса был возбужден судебный процесс по обвинению его в разжигании ненависти к мусульманам, однако суд вынес оправдательное решение.¹⁵ Следует отметить, что Партия свободы пользуется доверием граждан. В 2010 году лидер партии Марк Рютте был назначен премьер-министром Нидерландов.

Националисты Западной Европы выступают против строительства исламских мечетей, как символа политического ислама, требуют запрета на ношение традиционной для мусульманки одежды – паранджи. Несомненно, эти процессы способствуют повышению уровня этнической и конфессиональной напряженности в обществе, что приводит к трансформации и неустойчивому состоянию религиозного пространства со всеми вытекающими из этого последствиями.

Обозначенные выше процессы свидетельствуют о том, что глобализацию необходимо анализировать в плоскости глобализация/локализация с точки зрения ее степени, плотности и размаха.¹⁶ По мнению У. Бека, «...понятие глобальность нацелено на более жесткое утверждение реальности», глобализация должна пониматься «...многомерно, полицентрично, контингентно, политически»¹⁷. По его мнению, концепция культурной глобализации «...не учитывает амбивалентность процесса глобализации и неверно понимает роль локального» в этом процессе. Мы согласны с У. Беком в том, что при анализе глобализа-

¹⁴ Наумкин В. Мусульмане на Западе// Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2010. №3. С. 32.

¹⁵ Нидерланды: в Голландии растет число сторонников выхода из Евросоюза. Журнал RUS: европейские новости. 5.7.2012. <http://www.rus.nl/rus/news/default.asp?Profile=news&NewsID=20796&LandID=1&CatID=1>

¹⁶ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 148.

¹⁷ Там же. С. 148.

ции следует обратить внимание на локальное, которое проявляется со стороны не западных культур на глобальную культуру.

Близкой точки зрения придерживается А. В. Лубский. Культурные аспекты глобализации проявляются в формировании новой конфигурации «мироцелостности». Новой тенденцией этого процесса стала «...локализация как интеграция цивилизационных, религиозных, территориальных, культурных и этнических сообществ. Локализация проявляется в стремлении этих сообществ к автаркии, усилению чувства их исключительности и самодостаточности, расширении границ между ними»¹⁸.

Глобализация/локализация в религиозно-политической сфере порождает новые формы политико-религиозного взаимодействия. Они проявляются в формировании локальных топосов политизации религии. Локальные топосы политизации религии представляют собой место политизации религии в той или иной стране, где группа людей выражает специфическую религиозную форму участия в социально-политической жизни.

Глобализация привела к формированию множества локальных топосов политизации религии, раскрывающихся в многообразии ее форм. В числе основных рассмотрим следующие локальные топосы политизации религии.

Топос детерриторизации религии. Понятие «детерриторизация религии» обозначает активное вторжение религиозной модели в чужое для нее религиозное пространство. Речь идет о том, что религии как социальный институт распространяется на исторически новой для нее территории. Так, традиционно Западная Европа была оплотом христианского мира, но в конце XX века в ее социально-политической жизни стал доминировать исламский фактор. Исламизация Западной Европы началась еще в 60-х годах прошлого века. В числе ее основных причин исламизации аналитики называли: низкую рождаемость в Европе, стареющее население и потребность в рабочей силе. Поэтому проведение либеральной миграционной политики было выгодно для экономики западных стран.

В эпоху глобализации формирование топоса детерриторизации религии было связано с открытием границ между странами, что способствовало интенсивному распространению нетрадиционных для ряда

государств религий. Так, например, реальностью в Германии стали большие исламские диаспоры, представители которых ведут замкнутый образ жизни, что частично приводит к радикализации их религиозных взглядов. С. В. Погорельская отмечает, что в Германии существует модель государственной интеграционной политики по интеграции мусульман в культурное и политическое пространство Германии.¹⁹ Немецкая интеграционная политика основывается на идее мирного этноконфессионального сосуществования и направлена на минимизацию культурных различий. В Германии используется французская модель интеграции иммигрантов, в которой ассимиляционные процессы не учитывают культурные особенности малых этнических групп и британская модель. Британская модель интеграции основывается на идее сохранения культуры национального меньшинства, допускается существование этнических школ, где преподают учителя-мусульмане.

Отличительной чертой этого процесса, помимо роста численности мусульманского населения, становится радикализация ислама в странах Западной Европы. Этот процесс сопровождается строительством и функционированием культовых исламских зданий и формированием новой религиозной страты в обществе на основе коренных граждан страны. Так, активное распространение ислама в Западной Европе привело не только к росту многочисленной исламской диаспоры в центре Европы, но и к тому, что в странах Западной Европы граждане молодого и среднего возраста стали принимать ислам. Британская и германская пресса приводит многочисленные примеры того, как молодые люди в Западной Европе добровольно принимают ислам. Ислам для них представляет некую культурную духовную целостность, новое восприятие жизни.

Это явление вызывает определенное опасение в политических кругах Западной Европы и свидетельствует о поиске нового экзистенциального статуса западноевропейской молодежи. Однако опасность, на наш взгляд, заключается в том, что в отдаленном будущем трансформация религиозного пространства в Западной Европе может повлечь за собой кардинальные изменения в политической сфере. Сегодня во Франции более 500 тысяч французов принявших ислам, являются выходцами из всех социальных слоев общества. В

¹⁸ Лубский А. В. Теоретические основы социологии и политологии. М., 2011. С. 476.

¹⁹ Погорельская С. В. Мусульмане в Германии: специфика интеграции // Актуальные проблемы Европы. 2008. № 1. С. 147.

связи с этим, католическую церковь Франции беспокоит не столько число французов-мусульман, сколько глубина их веры. Отмечается, что именно в исламе французы нашли истинный путь к богу.

Акторами топоса детерриторизации религии во Франции становятся натурализованные граждане арабского происхождения. Они принимают активное участие в политической жизни страны, состоят в партиях. Во Франции значительную долю среди членов Французской коммунистической партии составляют мигранты. На муниципальных выборах 2007 года 7,6% кандидатов имели «иностранный происхождение», из них 4,6% составляли выходцы из арабских стран²⁰.

Топос расколотого государства. По мнению Д. Шайегана, в прошлом существовал плодотворный диалог между цивилизациями, что создало западную и восточную культуры, но современный «вызов нового времени» отличается от взаимодействия культур в прошлом. Д. Шайеган приходит к выводу, что «...утверждение западной цивилизации как универсальной лишает остальные культуры какой-либо этической или эстетической ценности, сводит их к местному колориту. Синтез культур в условиях засилья инородных ценностей невозможен, так как привносимые ценности диаметрально противоположны местным»²¹. На уровне государства синтез культур рано или поздно становится очередной иллюзией, что и порождает топос расколотого государства.

Топос расколотого государства существует в Турции и России. Это страны, в которых политические лидеры способствовали изменению религиозных традиций. Именно они решали, имеет ли право на существование религия или нет. В зависимости от периода исторического времени, процессов модернизации в этих государствах существовал запрет на публичное выражение религиозных взглядов, который со временем сменялся расцветом религиозных практик. В результате человек утратил возможность выбора в религиозной сфере, а затем его вновь получил. Такие своеобразные «качели» ломают нравственные духов-

ные основы государственности и способствуют появлению топоса расколотого государства.

Топос мультикультурализма. Топос мультикультурализма представляет собой то место, где происходят процессы лишь частичной интеграции культуры миграционной диаспоры с этнической культурой страны, их принявшей. Характерной чертой топоса мультикультурализма выступает поиск политического компромисса и точек соприкосновения между культурными сообществами различной этноконфессиональной принадлежности. Процессы культурной ассимиляции, охватившие практически все западноевропейские страны, ассоциируются сегодня с трансформациями этнических самобытных культур. Отметим, что в первую очередь каждая самобытная культура стремится сохранить свою социокультурную, конфессиональную идентичность, хотя полного ее сохранения в топосе мультикультурализма не требуется. Наиболее распространены топосы мультикультурализма были в XX веке в странах Западной Европы.

Ультрарадикальный национально-христианский топос. Он имеет место в странах Западной Европы и представлен ультрарадикальными молодежными национально-религиозными сообществами, организациями и партиями, которые ставят своей задачей сохранение самобытности своей страны и депортацию мигрантов исламского вероисповедания. В начале XXI века в странах Западной Европы и России начался активный рост новых националистических религиозных организаций и партий. Активную деятельность продолжают и старые националистические партии. Так, во Франции накануне президентских выборов в 2012 году Марин Ле Пен лидер Партии Национальный Фронт пользовался большей популярностью, чем действующий президент Франции.

Партия Национальный Фронт выступает за прекращение миграции из неевропейских стран и ужесточение требований при получении гражданства. По мнению лидеров партии, гражданином Франции может стать тот, кто принимает традиционные для Франции духовные ценности, обычаи, язык, культуру. Следует отметить, что в 2012 году первым депутатом от Национального фронта в Национальном собрании Франции стала 22-летняя Марион Марешаль Ле Пен, внучка создателя Партии Национальный Фронт.

Ультрарадикальный национально-христианский топос до недавнего времени существовал в России. Это было Движение против нелегальной миграции, которое

²⁰ Станкевич Г. В. Западноевропейский ислам: региональные измерения политической жизни Европейского Союза// Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4. С. 73.

²¹ См. Ерасов Б. С. Цивилизационные измерения модернизации, концепции симбиоза, конфликта и синтеза культур Запада и Востока. М., 2001. С. 490.

не раз выступало организатором межэтнических столкновений в Москве. В 2011 году деятельность радикальной националистической организации была запрещена.

Топос политического религиозного фундаментализма. Этот топос имеет страновой и религиозный характер. Существует христианский, иудейский, индуистский фундаментализм. Новой тенденцией стало формирование политического исламского фундаментализма, адептами которого становятся граждане Западной Европы. Новые немецкие мусульмане-фундаменталисты более радикальны, чем традиционные фундаменталисты. Они создают террористические ячейки, планируют проведение террористических актов. Немцы, которые переходят в ислам, следуют этой религии особенно фанатично: они хотят доказать, что также сильны в своей вере, как и те, кто с ней родился. В террористическую организацию «Союз исламского джихада» входили немцы принявшие ислам. Они прошли обучение в лагере террористов в Пакистане. Организация планировала осуществить серию терактов на территории ФРГ²². Политический терроризм стал одной из глобальных проблем современности. Эта проблема породила топос политического религиозного терроризма и ультрарадикальный исламский топос – место подготовки террористов-смертников.

В заключении отметим следующее: модернизация и последующая глобализация обозначили бивекторный характер политизации религии. С одной стороны, наблюдается всплеск фундаментализма, с другой стороны, религия активно участвует в процессах демократизации общества. В числе позитивных черт следует рассматривать образование религиозных партий, которые внесли неоценимый вклад в дело национального возрождения и государственного строительства. Глобализация имеет различия в культурной, религиозной сфере в обществах западного и восточного типов. Представляется, что содержание и форма процессов модернизации и глобализации во многом зависят от субъекта политического процесса, от того, как он понимает роль религии в политической жизни страны.

Библиография:

1. Агаджанян М. Турецкий «тандем»: проверка на прочность к рубежу президентских выборов

²² Ислам для всех! Все большее количество немцев принимают ислам. URL: <http://www.wislam.com.ua/news/451/>

2014 г. /М. Агаджанян. – Режим доступа: <http://www.ru.journal-neo.com/node/118733>. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

2. Алексеева Т.А., Казанцев А. А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ. М., 2012.
3. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001.
4. Гюль А. Турция стремится действовать как «виртуозная держава» 08:20 31.05.2012 / А.Гюль, – Режим доступа: www.centrasia.ru/newsA.php?st=1338438000, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Ерасов Б. С. Цивилизационные измерения модернизации, концепции симбиоза, конфликта и синтеза культур Запада и Востока // Сравнительное изучение цивилизаций. М., 2001.
6. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.
7. Куглер Р. Национальная безопасность в условиях глобализации хаотического мира: действия США и Европы // Геополитика: антология. М., 2006.
8. Кучуради И. Философия перед лицом мировых проблем // Вопросы философии. 2004. № 3.
9. Мид У.Р. Власть, террор, мир и война. М., 2006.
10. Лубский А. В. Теоретические основы социологии и политологии. М., 2011.
11. Мирский Г. Арабский мир: надоело, не верим, не боимся. / Г. Мирский Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2011 № 1.
12. Наумкин В. Мусульмане на Западе/ В. Наумкин// Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики.– 2010. №3.
13. Плешов О. В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане// Ислам и политика: взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии / отв. ред. В. Я. Белокреницкий. – М., 2001.
14. Погорельская С. В. Мусульмане в Германии: специфика интеграции // С. В. Погорельская Актуальные проблемы Европы. 2008. № 1.
15. Станкевич Г. В. Западноевропейский ислам: региональные измерения политической жизни Европейского Союза // Г. В. Станкевич. Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4.
16. Huntington S., Nelson D. No easy choice: Political Participation in Developing Socie. N. Y., 1976.

17. The U.S. envoy to Libya, Christopher Stevens, and three other diplomats were killed when suspected Libyan religious extremists stormed the U.S. consulate in Benghazi. <http://online.wsj.com/article/SB10000872396390444017504577645681057498266.html?KEYWORDS=Terry+Jonesh>
18. Ислам для всех! Все большее количество немцев принимают ислам. URL: <http://www.islam.com.ua/news/451/>
19. Нидерланды: в Голландии растет число сторонников выхода из Евросоюза. Журнал RUS: европейские новости. 5.7.2012. <http://www.rus.nl/rus/news/default.asp?Profile=news&NewsID=20796&LandID=1&CatID=1>

References (transliteration):

1. Agadzhanian M. Turetskiy «tandem»: proverka na prochnost' k rubezhu prezidentskikh vyborov 2014 g. /M. Agadzhanian. – Rezhim dostupa: <http://www.rujournalneo.com/node/118733>. – Zagl. s ekrana. – Yaz. rus.
2. Alekseeva T.A., Kazantsev A. A. Vneshnepoliticheskiy protsess. Sravnitel'nyy analiz. M., 2012.
3. Bek U. Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu. M., 2001.
4. Gyul' A. Turtsiya stremitsya deystvovat' kak «virtuoznaya derzhava» 08:20 31.05.2012 / A.Gyul', – Rezhim dostupa: www.centrasia.ru/newsA.php?st=1338438000, svobodnyy. – Zaglavie s ekrana. – Yaz. rus.
5. Erasov B. S. Tsivilizatsionnye izmereniya modernizatsii, kontseptsii simbioza, konflikta i sinteza kul'tur Zapada i Vostoka // Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy. M., 2001.
6. Zakariya F. Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SShA i za ikh predelami. M., 2004.
7. Kugler R. Natsional'naya bezopasnost' v usloviyakh globalizatsii khaoticheskogo mira: deystviya SShA i Evropy // Geopolitika: antologiya. M., 2006.
8. Kuchuradi I. Filosofiya pered litsom mirovykh problem // Voprosy filosofii. 2004. № 3.
9. Lubskiy A. V. Teoreticheskie osnovy sotsiologii i politologii. M., 2011.
10. Mirskiy G. Arabskiy mir: nadoelo, ne verim, ne boimsya. / G. Mirskiy Mezhdunarodnye protsessy. Zhurnal teorii mezhdunarodnykh otnosheniy i mirovoy politiki. 2011 № 1.
11. Naumkin V. Musul'mane na Zapade/ V. Naumkin// Mezhdunarodnye protsessy. Zhurnal teorii mezhdunarodnykh otnosheniy i mirovoy politiki.– 2010. №3.
12. Pleshov O. V. Islam, islamizm i nominal'naya demokratiya v Pakistane// Islam i politika: vzaimodeystvie islama i politiki v stranakh Blizhnego i Srednego Vostoka, na Kavkaze i v Tsentral'noy Azii / otv. red. V. Ya. Belokrenitskiy. – M., 2001.
13. Pogorel'skaya S. V. Musul'mane v Germanii: spetsifika integratsii // S. V. Pogorel'skaya Aktual'nye problemy Evropy. 2008. № 1.
14. Stankevich G. V. Zapadnoevropeyskiy islam: regional'nye izmereniya politicheskoy zhizni Evropeyskogo Soyuzha // G. V. Stankevich. Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura. 2011. № 4.
15. Huntington S., Nelson D. No easy choice: Political Participation in Developing Socie. N. Y., 1976.